

1. Углубление и расширение религиозной идентичности

Для многих прихожан наших церквей история Церкви, которой они принадлежат, начинается со дня основания их собственной общины или ассоциации, в которую входит эта община. По сути, это обычно означает — с бурных 90-х XX века, либо со второй половины XIX века (времени появления евангельских церквей в России), либо, крайне редко — с эпохи Реформации, но почти никогда — с Апостольской Церкви.

Да, ссылки на апостольские времена и апостольский дух имеются, но идентичность с Церковью, существующей по сей день с первого века христианской эры, не прослеживается, не удерживается и не демонстрируется. Почти всегда в восприятии евангельских верующих между историей новозаветной и историей недавнего прошлого имеется резкий разрыв. Этот разрыв делает верующих внеисторичными, а значит, находящимися вне **традиции**. Такая «родовая» неукорененность ведет к нарушениям в религиозной идентичности и, в конечном итоге, делает евангельские церкви в российском обществе «нетрадиционными», а значит, пришлыми, чужими, гонимыми.

Религиозная идентичность наших людей «съеживается» и по другой причине. Наблюдается постепенное отдаление российских евангельских церквей от русскоязычных церквей в других странах, в недавнем прошлом входивших в состав СССР. Отчасти это результат нашего собственного невежества и страха, отчасти — сознательных усилий тех, кто опасается единства русскоязычного евангельского движения. Во многом на это отчуждение влияют политические события (особенно в отношениях с Украиной, Грузией и странами Балтии).

Непростые отношения складываются и с нашими братьями, уехавшими на Запад, и созданными ими там церквями. Зачастую мы воспринимаем их как доноров, непременно обязанных оказывать спонсорскую поддержку нашим местным инициативам.

В евангельских церквях чрезмерен конфессиональный дух, который проявляется в стремлении отождествить с евангельским движением только свою собственную конфессию, только самих себя.

В ответ на эту болезнь мы приступили к работе по реконструкции истории и богословия, с целью показать, что евангельское движение уходит своими корнями в апостольскую эпоху, и что дух евангельской свободы проявлялся на протяжении **всей истории Церкви** в самых различных формах, временах, конфессиях и деноминациях. Так мы сможем положить твердое основание для нашего служения в России, показать свою историческую и имеющую традицию преемственность Вселенской Церкви, продемонстрировать свою приверженность непреходящему проявлению движения Святого Духа. Особенно важно, что таким

образом мы создадим механизм защиты от попыток «встроить» евангельское движение в привычную, и потому легко возобновляемую, **византийскую модель**. Нам предстоит показать укорененность российского евангельского движения в русской истории (несмотря на преимущественно авторитарный характер этой истории), а также — единство всего русскоязычного и русскокультурного евангельского христианства. И вести братский диалог и строить по-настоящему партнерские отношения с нашими зарубежными братьями именно с этих позиций.

Таким образом, работа по формированию идентичности евангельского движения России должна быть сфокусирована на **трех главных моментах**. Это:

(1) **Преимственность**, проходящая сквозь все века и конфессии от Апостольской эпохи и Новозаветной Церкви вплоть до сегодняшнего дня. Мы — наследники апологетов и Отцов Церкви, великих святых и реформаторов, миссионеров и богословов, русских религиозных философов и современных западных теологов. И нам предстоит огромная работа по освоению этого наследия.

(2) **Надконфессиональность**, обеспечивающая искомое жизненно необходимое единство всего евангельского движения. Требуется поставить евангельскую, даже более того — христианскую идентичность выше конфессиональной, не говоря уже о юрисдикционной, принадлежности. Важно чувствовать меру и ясно понимать задачу, которая состоит не в разрушении существующих конфессий и юрисдикций, а в преодолении конфессиональной замкнутости и ограниченности. Необходимо заново открыть Единую Церковь в полноте и разнообразии организационных форм и способов (традиций) поклонения Богу, многообразности священного обряда. Для этого нам предстоит заложить глубокое богословское основание, причем такое, чтобы само мышление о Церкви не могло протекать иначе, как в ситуации удерживания и её многообразия, и её единства.

(3) **Неразрывная связь** российского евангельского движения с русскоязычными евангельскими церквями за рубежом, а также — с евангельским движением в мире в целом. Для этого нужно **по-новому осмыслить** те взаимоотношения с зарубежными братьями, которые существуют на данный момент, а также приложить усилия к восстановлению связей, разорванных в результате распада СССР.

Подведем итоги. Необходимо постепенное смещение фокуса идентичности наших церквей:

- мы не столько протестанты, сколько евангельские верующие;
- наши церкви не столько протестантские, сколько евангельские, не только объединенные в ассоциации и союзы, но скрепленные всеевангельским движением, в котором чувствуется дыхание Духа Святого и любовь Христа.

В единстве — сила. В многообразии — свобода. Поэтому мы **едины в многообразии**. Так пусть же эти слова станут не только красивым лозунгом, но и руководством в наших делах.